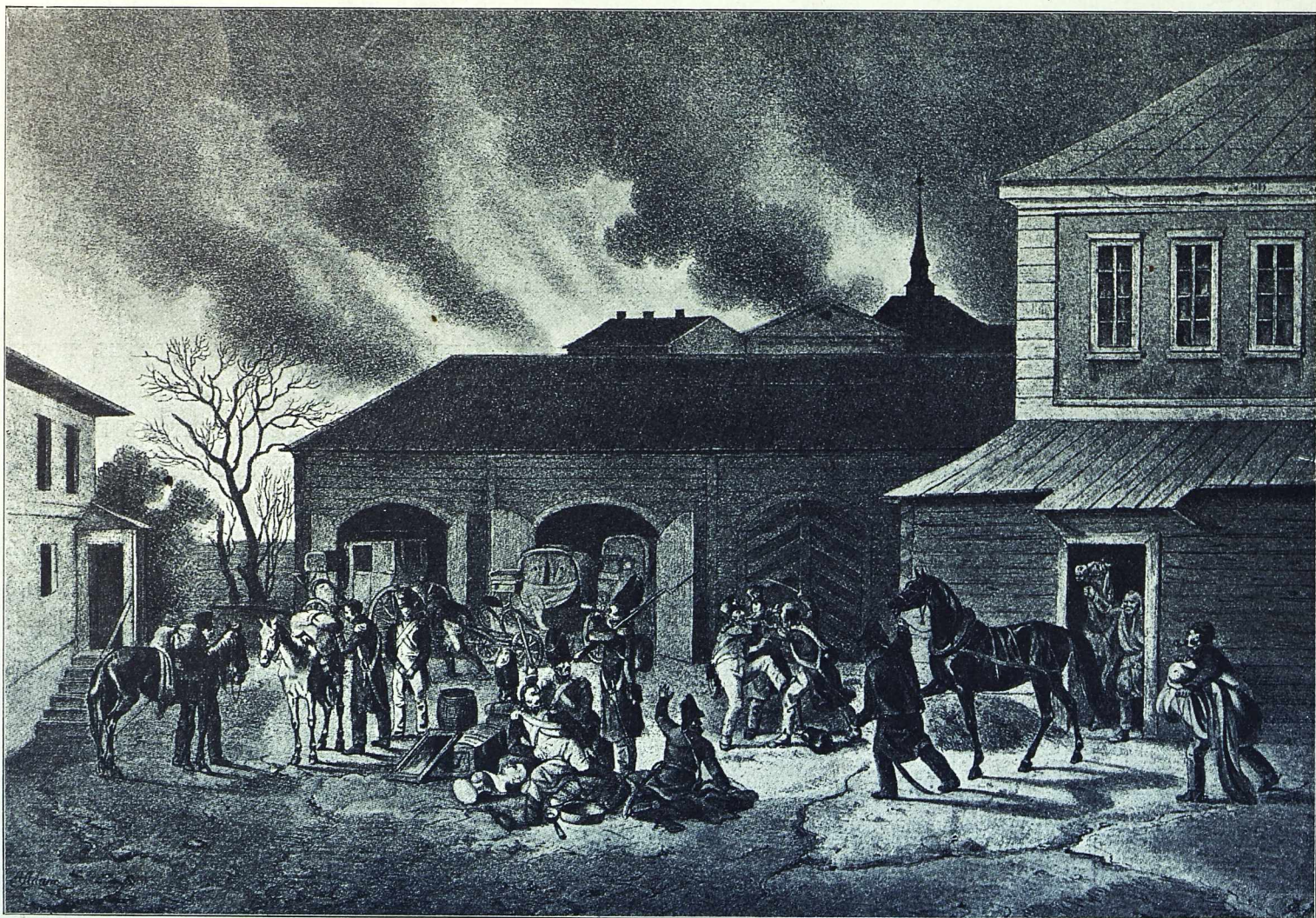

другой комнатѣ и писалъ. Онъ спрашиваетъ: „Что тамъ случилось?“—„А то, говорю, случилось, что Бонапартъ пришелъ, дьячиха рассказываетъ“. Онъ разсмѣялся: „Эхъ ты, дура-баба, дьячихѣ вѣришь, а генераль-губернатору не вѣришь. Вотъ она, графская-то афишка, вѣдь я ее тебѣ читалъ,—поди-ка лучше да вели самоварчикъ поставить...“ Едва Наполеонъ вступилъ въ чертогъ царей русскихъ, какъ запылали Гостиный дворъ и Каретный рядъ. Къ вечеру пожары вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ и при поднявшемся порывистомъ вѣтрѣ соединились въ одно неизмѣримое море огня. Яркій свѣтъ, лившійся въ окна дворца, неоднократно прерывалъ сонъ Наполеона, который выходилъ на балконъ смотрѣть на сверкавшія волны пламени и сыпавшіяся головни. Пораженный видомъ столицы, тонувшей въ огнѣ, онъ какъ бы невольно воскликнулъ: „Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это скиѣ!“

Пожаръ все ближе и ближе приближался къ Кремлю, куда стали падать головни, арсеналъ нѣсколько разъ загорался. Личная для Наполеона опасность ежеминутно увеличивалась, тѣмъ болѣе, что зарядные ящики гвардейской артиллеріи, расположенные на площадяхъ Кремля, подвергались взрыву. Приближенные къ Наполеону генералы упрашивали его выѣхать изъ города. Онъ долго ихъ не слушалъ, пока Бертье не замѣтилъ: „Если Кутузовъ вознамѣрится теперь атаковать стоящія около Москвы войска, то Ваше Величество будете отрѣзаны отъ нихъ огнемъ“. Только тогда рѣшился Наполеонъ исполнить общее желаніе и 4-го числа, въ два часа пополудни, съ трудомъ и величайшею опасностью пробрался по огненной землѣ, среди обгорѣлыхъ и горящихъ стѣнъ, въ Петровский дворецъ, гдѣ прожилъ пять дней и затѣмъ снова вернулся въ Кремль. Донесеніе Кутузова, отъ 4 го сентября, о занятіи Наполеономъ Москвы было привезено въ Петербургъ Императору Александру 8-го числа полковникомъ Мишо. Государь, выслушавъ Мишо, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподаннымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей Имперіи. Она представляетъ болѣе способовъ, чѣмъ мои враги думаютъ это. Но если божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на

Французы въ Москвѣ.